

Константин Кустанович

Асимметрия во взаимном восприятии Америки россиянами и России американцами*

Эта статья не анализирует политические взаимоотношения между США и РФ – очень часто именно политика оказывается в фокусе аналитических публикаций о взаимном восприятии этих двух стран. В ней также не рассматриваются мнения, опубликованные в СМИ и зачастую ангажированные политическими или коммерческими структурами. Взамен автор статьи предлагает социо-психологический анализ массового, народного, восприятия образа «другой» страны и народа, сложившегося в сознании определенных групп населения. Их численность и социальный характер могут меняться в процессе исторического развития страны.

В то время, как в России XX и XXI веков всегда существовал живой, эмоциональный интерес к американцам, в США аналогичного интереса к России и россиянам не было. Лишь во время Второй мировой войны зародилось чувство симпатии по отношению к «русским» и солидарности с ними, которое с победой над Германией и завершением общего дела быстро угасло. Даже во времена Холодной войны у американцев не возникает неприязни к русским; они лишь испытывают страх перед возможной ядерной конфронтацией двух сверхдержав.

Целесообразно начать анализ асимметрии взаимовосприятия двух народов с краткого исторического вступления, обобщив известные факты и перечислив в хронологическом порядке советские послевоенные мифы об Америке. В конце 1940-х годов в СССР среди городского населения зарождается культ Америки. Америка – главный союзник в Великой Отечественной войне. Американская тушенка и другие продукты, «виллисы» и «студебекеры» и, конечно, американские так называемые трофейные фильмы – «Тарзан», «Робин Гуд», «Путешествие будет опасным» («Дилижанс»), «Судьба солдата в Америке» («Бурные двадцатые годы»), «Серенада Солнечной долины» – знакомят советских людей с некоторыми аспектами американской жизни. Это знакомство для многих оказывается соблазнительным уходом от голодной послевоенной действительности. Создается миф об Америке – стране джаза, красивых, модно одетых женщин, героических мужчин. На улицах Москвы и Ленинграда появляются стилиаги. Они одеты под американцев – узкие, короткие брюки, массивные ботинки на толстой каучуковой подошве, пиджак с широкими плечами из толстой ворсистой ткани, яркий

* Статья ранее публиковалась в журнале *США–Канада: экономика – политика – культура* (2014. № 10).

галстук, первые нейлоновые носки, «крепы», жевательная резинка, прическа с коком. Сами стилиаги называют себя «штатниками».

После смерти Сталина советская интеллигенция создает свой американский миф. Советские граждане ловят *Голос Америки*, получая доступ к потоку информации о жизни в США. В 1957 г. в Москве проходит 6-ой Международный фестиваль молодежи и студентов, который приоткрывает железный занавес и демонстрирует воочию другую культуру, другие отношения – свободные, раскованные, доброжелательные. В 1959 г. москвичи получают возможность посетить выставку американской промышленной продукции, где многие находят подтверждение своим представлениям об американском образе жизни. В том же 1959 г. выходит двухтомник Хемингуэя, автор мгновенно становится кумиром советской читающей публики. Конечно, старшему поколению Хемингуэй был известен еще в тридцатые годы, и уже тогда он по популярности опережал других иностранных писателей, но в атмосфере оттепели он уже воспринимался как явление. В 1960 г. выходит роман Сэлинджера *Над пропастью во ржи*, нашедший горячий отклик в умах и душах послесталинского поколения советской молодежи и, возможно, повлиявший на молодых писателей новой волны.

Позитивный американский миф достиг своей кульминации во времена перестройки, когда уже и в официальной прессе появляется множество публикаций о том, что коммунизм, к которому так долго и безрезультатно стремился Советский Союз, уже существует в США. Имелись в виду технический прогресс, высокий уровень жизни населения и щедрые социальные программы помощи бедным и безработным.

Однако в контексте провала «шоковой терапии» в 1992 г. и общего экономического и социального кризиса, а также утери Россией статуса сверхдержавы отношение к Америке и американцам очень быстро меняется на прямо противоположное. Кроме того, все больше и больше россиян получают возможность посетить США (иногда на довольно продолжительные сроки). Там они сталкиваются с совершенно иными, чем в России, взаимоотношениями, ценностями и жизненными задачами. Многие проектируют российские культурные парадигмы на американскую культуру и, когда они не стыкуются, создаются негативные стереотипы, рисующие Америку и американцев в крайне неприглядном виде. Возникает антиамериканский миф о США, – Соединенных Штатах «Пиндосии», или «Пиндостана», – населенных жирными, тупыми и трусливыми «пиндосами», которые только и мечтают о том, чтобы погубить Россию и прибрать к рукам ее природные богатства. Американское правительство – тупое и трусливое и американская армия – такая же тупая и трусливая. Выживает же Америка только за счет печатных станков, которые беспрерывно печатают доллары. Но крах не за горами, и тогда всей Америке будет «кирдык», как обещал Данила в фильме Балабанова «Брат»¹.

¹ Балабанов А. Брат – текст фильма // votHouse.ru. http://www.vothouse.ru/films/brat_text.html. Последнее посещение 8 декабря 2015.

Надо сказать, что негативное отношение к США, хотя и не в таком примитивном виде, наблюдается и среди интеллигенции, которая в перестроечные времена видела в Америке идеал, достойный восхваления и подражания. Александр Кабаков, известный писатель-либерал, начавший свою писательскую карьеру в годы перестройки и работавший тогда заместителем главного редактора и ответственным секретарем *Московских новостей*, близкий друг Василия Аксенова, с которым он разделял любовь к Америке, так отзывался об этой стране в 2005 году: «Нынешняя Америка оголтелой политкорректности и ограничения гражданских свобод, экспорта демократии и выборочной борьбы с терроризмом, воюющая с педофилами так, как некогда с коммунистическими агентами и культивирующая внутри себя доносительство, превосходящее советское – это, как уже сказано, совсем другая страна, чем та, которую мы так любили в молодости»².

В конце своей колонки он с горечью признается: «Раньше я был на твоей стороне, Америка, потому что хотел добра России, т.е. хотел, чтобы коммунистическая напасть кончилась. И в Америке я видел тогда силу, которая поможет нам справиться с этим кошмаром. Теперь я вижу, Америка не за лучшую Россию, а против всякой. Мы их заботим только как потенциальные соперники, и это не то соперничество, в котором упавшему помогают подняться на ноги. Мы разошлись – прости, Америка»³.

С таким же чувством разочарования и горечи прощается с Америкой в 2007 г. другой российский писатель, Дмитрий Быков, известный своей сатирой на современную российскую действительность. Он находит подтверждение своему отношению к США в романах Джонатана Франзена *Поправки* и Джонатана Фора *Очень громко и запредельно близко*, а также в фильме Майкла Мура «9/11». Выводы неутешительные: В Америке «все прогнило и ничто не работает. ... Почти все хорошие американские фильмы последнего времени ... – все о том же: об одиночестве, разобщенности, недоверии к власти, об идиотизме прессы и безответственности столпов общества. ... Все это очень грустно», – заключает Быков, – «... прежней Америки, на которую можно было оглядываться с раздражением, но и с надеждой, не будет больше никогда»⁴.

Говоря о про- или антиамериканских мифах, я употребляю слово «миф» не в переносном смысле. Современные мифы обладают главными характерными чертами мифов примитивных народов. Во-первых, миф для его носителя воспринимается как реальность. У стилист конца 1940-х – начала 1950-х годов была своя Америка – Америка джаза, квадратных челюстей, непрерывно жующих резинку клевых чуваков и чувих. У интеллигенции конца 50-х – начала 60-х годов своя Америка – Хемингуэя и Сэлинджера, Америка героев-одиночек, абстрактного

² Кабаков А. Примите мои извинения // РИА Новости. 9 июня 2005. <http://ria.ru/authors/20050609/40498644.html>. Последнее посещение 8 декабря 2015.

³ Там же.

⁴ Быков Д. Гуд-бай, Америка! // Коммерсантъ. 7 октября 2007. <http://kommersant.ru/doc/2299632>. Последнее посещение 13 декабря 2015.

искусства, опять же джаза и свободы. У современных американофобов – тоже своя Америка – Пиндостан. И никого из них невозможно было бы убедить, что Америка – это огромный мир, который нельзя вместить в прокрустово ложе их представлений о ней.

Во-вторых, и это, пожалуй, главное, миф – это социальный конструкт. Он объединяет его носителя с некой группой, членом которой он себя видит. Французский этнолог и психолог Люсьен Леви-Брюль утверждает, что примитивный человек отождествляет себя с другими представителями своего племени; для него бытие коллектива важнее даже своего собственного бытия, а собственное «непосредственное восприятие, каким бы оно не было ярким и постоянным, образует лишь малую долю его представления о своей личности. Доминирующие элементы (в этом представлении) в своей основе имеют коллективистский характер, и индивид видит себя только как члена своей социальной группы»⁵. В подтверждение своим выводам Леви-Брюль цитирует новозеландского этнографа Елсдона Беста: «Человек думал и действовал по законам семьи, клана или племени, ... а не самого индивида. Благосостояние племени всегда имело высший приоритет в его сознании; он мог враждовать с членом своего племени, но, если на того нападали кто-то извне, не принадлежащий к его племени, ... то он сразу же забывал о вражде и вставал плечом к плечу рядом с ним»⁶.

Точно так же в разговорах между собой многие россияне резко осуждают различные аспекты российской жизни, но иностранцу, а тем более эмигранту, это не дозволено. Высказывая критические взгляды, человек, принадлежащий к группе «чужих», сразу же воспринимается своим собеседником как враг, даже если его мнение совпадает с мнением самого собеседника. Это происходит именно потому, что для члена «своей» группы ее интересы гораздо важнее его личных. Свойство это не новое. Уроженец Курляндии Яков Рейтенфельс, живший в России с 1671 по 1673 г., писал, что иностранным дипломатам очень трудно было составить мнение о Московии из их разговоров с русскими. Последние настолько приукрашивали российскую жизнь, что о какой-то объективной информации речи быть не могло⁷. Можно заключить, что российский патриотизм больше озабочен мнением о России «чужих», чем реальным состоянием дел внутри страны, т.е. он направлен наружу.

Современные антиамериканские мифы питаются идентификацией их носителей со своей группой – в данном случае со всей страной, с Россией. Россия же практически во всех нынешних политических разногласиях противостоит Западу, и в частности США. И противостоит отнюдь не с позиции силы, как это было в советские времена. Если реальность не может предоставить мифообразующему сознанию человека подтверждения мощи его группы, остается создать миф о

⁵ Levy-Bruhl L. Primitive Mythology. St. Lucia, 1983. P. 68. Перевод с английского здесь и далее – мой. К.К.

⁶ Ibid.

⁷ Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 13.

слабости и загнивании «чужой» группы. Теория социальной идентичности утверждает: одна из главных функций стереотипа (а миф – это не что иное, как распространенный стереотип) – функция самовозвышения (self-enhancement). В произведениях Кабакова и Быкова четко просматривается раздражение в адрес Америки именно из-за ее отношения к России – отношения без должного уважения и пиетета. В ответ Соединенным Штатам в лучшем случае приписываются всевозможные грехи, а в худшем – предсказывается полная деградация и скорый развал.

Наконец, миф – это не рациональное, а эмоциональное, аффективное восприятие мира. В своей книге *Диалектика мифа* русский философ А.Ф. Лосев писал: «В основе мифа лежит аффективный корень». Мифическое сознание – это «почти аффективное сознание, граничащее с магическими формами. Миф всегда чрезвычайно практичен, насыщен, всегда эмоционален, аффективен, жизнен. ... Миф насыщен эмоциями и реальными жизненными переживаниями; он, например, олицетворяет, обоготворяет, чтит, ненавидит, злобствует»⁸. Это же относится и к современным мифам. Американский миф стилиг «обоготворяет и чтит» Америку; пиндостанский миф американофобов «ненавидит и злобствует». Риторическое прощание с Америкой Кабакова, Быкова и иже с ними – интеллигентов, примкнувших к антиамериканскому мифотворчеству, – исполнено грусти и разочарования. Еще одна цитата из книги А.Ф. Лосева: «Чтобы создать миф, меньше всего надо употреблять интеллектуальные усилия»⁹. Интеллект, рациональные суждения не могут повлиять на мифообразующее сознание. «Для мифического сознания нет ровно никакого научного опыта. Его ни в чем нельзя убедить»¹⁰.

Можно сделать предварительные выводы. Представления советских людей, а теперь и россиян, об Америке, а именно представления стилиг, интеллигенции, сторонников перестройки и американофобов, можно характеризовать как мифы. Они обладают основными характеристиками мифов примитивных народов – воспринимаются как реальность, имеют коллективистский характер, имеют аффективную природу и не поддаются рациональному анализу. Обратимся теперь к представлениям американцев о России.

Если отбросить мифемы, бытующие среди наиболее невежественных американцев, которые можно свести к трем концептам – водка, снег, медведи, – то представления большинства американцев о России нельзя характеризовать как миф. Они строятся преимущественно на информации, полученной из американских СМИ, и эта информация в основном сводится к текущей политике. Когда меняется ее характер, меняется представление о России. Причем представление это обычно не распространяется на страну вообще и на русский народ. Русский народ американцев не интересует; их интересует правительство, точнее его глава. Горбачев до сих пор пользуется огромной популярностью и уважением среди

⁸ Лосев А. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 25-28.

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 34.

тех, кто еще помнит конец 1980-х – начало 1990-х годов. При нем Россия была хорошая, шла по правильному пути – по пути демократии, рыночной экономики, разоружения и предоставления свободы и независимости советским и постсоветским республикам и государствам. Путин плохой, потому что современная Россия во всех серьезных политических ситуациях находится в оппозиции к Западу и поддерживает его противников. При нем Россия скатилась чуть ли не до статуса *rogue state*, или, в неточном русском переводе, «государства-изгоя» (*pariah state*). При этом политические решения российского правительства не рассматриваются как личный выпад России против США; такие решения воспринимаются просто как факт плохой политики, иногда прагматически оправданной для России. Но, например, недавняя инициатива Путина по химическому оружию в Сирии была воспринята положительно.

Отношение к России не эмоционально. Только в самых малообразованных социальных слоях, возможно, есть люди, ненавидящие Россию и, кто знает, до сих пор по своему невежеству считающие русских коммунистами. Но они из тех, чье сознание и знание России ограничены уже упомянутыми понятиями: водка, снег и медведи. Невозможно представить себе американцев интеллектуального уровня Кабакова и Быкова, которые воспринимали бы Россию в личностно-эмоциональном ключе.

Чем же обуславливается такая разница во взаимном восприятии этих двух культур? Социальная психология предлагает разделение культур на коллективистские и индивидуалистские. Последние характерны для стран Западной Европы и Северной Америки, первые для всех остальных наций, включая Россию, Японию, Индию и Китай. Хочу сразу же оговориться: в индивидуалистских культурах есть коллективисты и наоборот. Кроме того, в каждом индивидуальном сознании присутствуют как коллективистские, так и индивидуалистские элементы. Парадигмы поведения человека, его взгляды и ценности определяются соотношением этих элементов в его сознании. В коллективистском обществе больше людей с сознанием, в котором превалирует коллективизм. Если обратиться к нейropsихологии, то можно говорить о преобладании коллективистских нейронных сетей, сформировавшихся в раннем детстве.

Идеальное индивидуалистское сознание по определению не может быть мифообразующим, поскольку, как уже говорилось, миф – это социальный, коллективистский конструкт. Индивидуализм в Америке внедряется в сознание человека с первых лет жизни. В отличие от отношения большинства россиян к своей стране, американцы не видят себя членами единой группы, или Соединенных Штатов Америки, для которых Россия является «группой чужаков». Американский индивидуализм не способствует возникновению чувства причастности к коллективу, в который входит все национальное сообщество. У каждого индивида свои цели и задачи, – работа, семья, досуг, – которые гораздо важнее целей и задач всей страны. Для американца семья по большому счету важнее, чем страна. Недавно я натолкнулся на такое высказывание: «Если надо, я пойду защищать

свою семью, свой дом, свою страну», – именно в таком порядке. Американцы настроены гораздо патриотичнее по отношению к своей «малой родине», т.е. к тому городку или району, где они живут, чем к своему штату и тем более ко всей стране. В 2004 г. на вопрос, удовлетворены ли вы положением дел в своей местной общине, в своем штате и в стране в целом, 76% ответили утвердительно о ситуации в месте их проживания, 53% – в штате и только 46% – во всей стране¹¹.

Американцы патриоты, но понятие патриотизм для них обычно ограничивается любовью к своей стране и не включает в себя ее сопоставление с другими странами. Американский патриотизм, в отличие от российского, не является тем, что Бетти Крэйдж называет «националистическим патриотизмом» (nationalist patriotism) – т.е. «абсолютной лояльностью и верой в превосходство над другими группами»¹². В основном, идеология патриотизма в Америке направлена внутрь, а не наружу. Поскольку США всегда были страной эмигрантов, то одной из насущных задач государства являлось насаждение любви к новой родине среди иммигрантов. Кроме того, правительство было озабочено пресечением распространения вражеских идеологий, будь то большевизм, нацизм или коммунизм. И только во время военной угрозы американцы объединялись в ненависти к внешнему врагу и готовности умереть за свою страну. Крэйдж пишет по этому поводу: «В мирное время любовь к своей стране может выражаться по-разному, но только в контексте возможной угрозы извне патриотизм ставится во главу угла; в такой ситуации он понимается как готовность умереть на поле брани и ценится за его значимость для всех граждан»¹³.

Событием, которое способствовало практически полному единению населения США, была Вторая мировая война. Угроза со стороны Германии была вполне реальна; она затрагивала каждую семью, каждого человека, поэтому вся страна слилась в едином патриотическом порыве. Однако после Второй мировой войны замечается заметный спад патриотизма, что вызвало серьезное беспокойство правительства и политических деятелей. Печать изобиловала жалобами на то, что мир принес раздробление общества, что население живет лишь местными, «парохиальными» (приходскими) интересами и что граждане утратили чувство ответственности за благосостояние всего государства. Один законодатель характеризовал послевоенный период как время, когда американское правительство пыталось «возродить в своем народе патриотический жар». Другой патриот с нежностью вспоминал войну, в которой «дух единства владел людьми»¹⁴.

В миниатюре такой взлет и спад патриотических чувств наблюдался после 11 сентября 2001 г. По результатам опросов Института Гэллапа в январе 2001 г. 55%

¹¹ Americans' Satisfaction: There's No Place Like Home // Gallup. 27 January 2004. <http://www.gallup.com/poll/10408/Americans-Satisfaction-Theres-Place-Like-Home.aspx>. Последнее посещение 13 декабря 2015.

¹² Craige B. American Patriotism in a Global Society. Albany, 1996. P. 4.

¹³ Ibid. P. 2.

¹⁴ Fried R. The Russians Are Coming! The Russians Are Coming! Pageantry and Patriotism in Cold-War America. N.Y., 1998. P. 17-18, 20.

американцев чрезвычайно гордились тем, что они являются гражданами США. После сентябрьских событий 2001 г., в июне 2002 г., этот процент достиг 65, в сентябре 2002 г. – 69%, а в июне 2003 г. – 70%. (Высокие цифры в 2002 и 2003 гг. объясняются еще и началом афганской и иракской войн.) После этого показатель гордости постепенно пошел на спад: 2004 г. – 69%, 2005 г. – 61%, январь 2006 г. – 59% и июнь 2006 г. – 57%¹⁵. Другой опрос также продемонстрировал взлет патриотизма после трагедии 2001 г. Если в июне 2001 г. 66% американцев намеревались в День Независимости 4 июля вывесить американский флаг на своих домах, то в июне 2002 г. эта цифра поднялась до 83%¹⁶. Сэмюэл Хантингтон замечает, что в Бостоне в одном (либеральном) районе до 11 сентября 2001 г. американский флаг висел только на винном магазине; даже на здании почты его не было. Сразу же после атаки 9/11 в одном квартале на этой улице висело уже 17 флагов, в ноябре их количество уменьшилось до 12, в декабре их было 9, в январе – 7, в марте – 5 и к первой годовщине нападения осталось 4 флага¹⁷. Патриотическое единство в течение сравнительно длительного срока наблюдалось в последний раз во время Второй мировой войны. Во время корейской, вьетнамской и иракской войн от 20% до 60% населения – в зависимости от фазы войны – резко выступали против участия США в военных действиях.

Говоря об американском патриотизме, нельзя не вспомнить другую концепцию – эксепционализм (exceptionalism – исключительность). На первый взгляд, если американский патриотизм не является «полноценным» мифом, то уж эксепционализм-то, вроде бы, – самый что ни на есть миф, который утверждает особое положение Соединенных Штатов в мире и их превосходство над другими странами. Однако, эксепционализм – это не миф; в основе его лежит религия. В своей книге о пуританских корнях американского патриотизма политолог и американист Дж. Маккенна убедительно демонстрирует влияние пуританизма на американскую идеологию и политику и на формирование американского патриотизма. Но ведь пуританская идея об исключительности Америки, о ее особой миссии в мире, об Америке как «граде на холме» – фраза из Нагорной проповеди, чрезвычайно популярная среди американских политиков, – эта идея не патриотическая, а именно эксепционалистическая. Следует отличать патриотизм (любовь к родине) как от национализма (чувство превосходства по отношению к другим нациям), так и от эксепционализма (чувство исключительности и мессианства). Два последних понятия близки, но не идентичны, так как национализм имеет мифическую природу, а эксепционализм – религиозную. Мифообразующее сознание вполне может обходиться без всякой религии.

¹⁵ Majority Still Extremely Proud to Be American // Gallup. 3 July 2006. <http://www.gallup.com/poll/23557/Majority-Still-Extremely-Proud-American.aspx>. Последнее посещение 13 декабря 2015.

¹⁶ Americans Feeling More Patriotic this Independence Day // Gallup. 3 July 2002. <http://www.gallup.com/poll/6337/Americans-Feeling-More-Patriotic-Independence-Day.aspx>. Последнее посещение 13 декабря 2015.

¹⁷ McKenna G. Puritan Origins of American Patriotism. New Haven, 2007. P. 351, 353.

В конце своей книги Маккенна пишет об угасании религиозности в США вообще и в частности о том, что иудео-христианским основам пуританизма приходится делиться религиозным пространством с другими религиями: исламом, буддизмом, индуизмом или просто верой в абстрактные «высшие силы»¹⁸. Кроме того, после вьетнамской и иракской войн значительная доля американцев уже не верит в исключительность своей страны и в ее боговдохновенную миссию. Таким образом, эксепционализм в основном используется в политической риторике и не имеет широкого распространения в сознании американцев. Маккенна косвенно прав¹⁹, говоря о пуританских корнях американского патриотизма, так как американский индивидуализм, который и формирует патриотизм «по-американски», несомненно исходит из пуританской религиозной пассивности. Если спасение или гибель человека предопределены богом и он ничего не может изменить, совершая добрые дела в этом мире, а знаком спасения служит личное благосостояние, то какой смысл «любить ближнего своего». Не лучше ли направить всю энергию на то, чтобы получить знак своего избрания, т.е. достичь высокого уровня экономического благосостояния?

Возвращаясь к немифической природе американского патриотизма, можно утверждать, что отношение американцев к России рационально. Здесь я хочу воспользоваться категориями Макса Вебера «формальная рационализация» и «субстантивная рационализация»²⁰. По Веберу, формальная рационализация действия направлена на поиски адекватного процесса для достижения цели кратчайшим и наиболее эффективным путем. Субстантивная рационализация учитывает какие-то дополнительные ценности, не ограничиваясь чистой целесообразностью, «будь то этические, политические, утилитарные или гедонистические цели, достижение социального различия или социального равенства или что-либо еще»²¹. В процессе развития капитализма в Западных странах происходит «расколдовывание мира»²². В результате социальные действия выхолащиваются – лишаются элементов мифа, магии, религиозных верований, эмоций и т.д. – и субстантивный рационализм, включающий в себя эти элементы, превращается в формальный, в основе которого лежит чисто целевая логика. Другими словами, в результате расколдовывания теряется духовность, характерная для субстантивного рационализма и любое действие становится «целерациональным»²³.

Об утере магической, мистической составляющей в сознании современного человека пишет и Леви-Брюль в своей книге *Примитивная мифология*. Современное общество не верит сказкам и мифам и воспринимает как действительную только видимую реальность, потому что классическая древность воспитала нас в

¹⁸ Ibid. P. 369.

¹⁹ «Косвенно» – так как Маккенна в своей книге не упоминает ни индивидуализм, ни эксепционализм.

²⁰ Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. N.Y., 1947. P. 1145-1149.

²¹ Ibid. P. 185.

²² В оригинале у Вебера «Entzauberung».

²³ В оригинале у Вебера «zweckrational».

духе рационализма, исключив «все понятия, не поддающиеся рациональному контролю и проверке, т.е. на самом деле – любой мистический опыт и свидетельства существования сверхъестественных явлений». Однако Леви-Брюль видит такое состояние сознания как результат некоего противоестественного насилия над разумом современного человека, как продукт «бремени рационализма». Он утверждает, что подобное состояние сознания наблюдается не повсюду: «Оно присуще только некоторым обществам»²⁴. Неясно, какие именно общества имеет в виду Леви-Брюль, но очевидно, что если говорить об обществах с преобладанием рационализма в сознании его членов, то скорее всего это относится к капиталистическому Западу. Современный французский философ Ролан Барт характеризует сознание французского буржуа как крайне рациональное почти дословно в терминах Вебера: «этот класс бесконечно, безраздельно и щепетильно привержен идее каузальности, его мораль в основе своей не магична, а рациональна»²⁵.

В идеале, американский индивидуалист – продукт «расколдовывания мира» и рационализации сознания – для достижения своих целей выбирает наиболее эффективные, целерациональные действия, игнорируя все, что выходит за их рамки. При выполнении поставленной практической задачи эмоции, религиозные верования и даже политические убеждения выносятся за скобки. Поэтому отношение американцев к России не эмоционально, а рационально, при этом оно обуславливается формальным, а не субстантивным рационализмом. В реальности все не так просто. Многие исследователи говорят о некоторой «ремагизации» западного общества – какому-то возврату к магии, мистике, мифу. Человек не может жить, не видя смысла жизни, вычисляя как робот наиболее эффективные шаги к поставленной задаче. Тем не менее, думается, что в качестве первого приближения можно воспользоваться веберовской категорией формального рационализма для объяснения отношения американцев к России – отношения прагматического, рационального, неличностного и неаффективного, другими словами, – не мифического. Такое отношение объясняет отсутствие глубокого интереса к России вообще и к ее народу в частности. Остается лишь поверхностная политическая составляющая.

²⁴ Primitive Mythology. P. 255-256.

²⁵ Барт Р. Забастовка и пассажир // Мифологии. М., 1996. С. 176.